

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ КИЕВСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ М.Е. КОЛЬЦОВА

Статья посвящена киевской публицистике М.Е. Кольцова. Анализируются факторы, вследствие которых журналисту пришлось скрывать свою деятельность в Киеве в 1918 г. Публикуется до сих пор не введенная в научный оборот киевская статья Кольцова «В стане Петлюры».

Ключевые слова: М.Е. Кольцов, гетман П.П. Скоропадский, С.В. Петлюра, газета «Вечер».

Биография журналиста М.Е. Кольцова хорошо известна исследователям. Один из организаторов советской печати, он был редактором журналов «Огонек», «Чудак» и «Крокодил», членом редколлегии газеты «Правда», журнала «СССР на стройке», руководил акционерным издательским обществом «Огонек», впоследствии реорганизованным в государственное газетно-журнальное объединение «Жургаз».

Гораздо менее известен первый период его биографии: с 1915 по 1920 г. Кольцов начинал как автор журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», после революции собирался эмигрировать – однако это его желание не было реализовано. В сентябре 1918 г. он вступил в РКП (б), работал в Наркомпросе и в том же году уехал в родной Киев. Киев 1918 г. был столицей Украинской державы, возглавлявшейся гетманом П.П. Скоропадским и поддерживаемой немецкими и австро-венгерскими войсками.

В Киеве Кольцов активно участвовал в общественной и культурной жизни и печатался в гетманской прессе. И если в 1918 г. Скоропадский не мыслился врагом РСФСР (в Киеве присутствовала советская дипломатическая миссия, возглавлявшаяся И.В. Сталиным), то впоследствии, после установления советской власти на всей Украине, гетман стал оцениваться официальной пропагандой

как враг. Соответственно и Кольцов старался избегать упоминаний о своем киевском творчестве, никогда не перепечатывал статьи и фельетоны 1918 г.

Между тем в киевских газетах того периода немало такого рода материалов. Один из них публикуется в настоящем издании. Это – статья «В стане Петлюры. От нашего специального корреспондента» (Вечер. Киев. 1918. 25 нояб.). Статья тем более интересна, что для ее написания Кольцову пришлось проникнуть в лагерь С.В. Петлюры – злейшего врага Скоропадского, который вскоре, в декабре 1918 г., выбьет гетманские войска из Киева.

Орфография и пунктуация оригинала приведены к современным нормам.

* * *

Мих. Кольцов

В СТАНЕ ПЕТЛЮРЫ

От нашего специального корреспондента

1. Лагерь

В полуверсте от станции Боярка, на широкой и длинной, уже оснеженной лесной поляне курятся дымки. Подхожу.

Маленький бивуак. Два костра. В котлах варится какая-то горячая гуща. Сбоку груды дров, очевидно, взятых со станции.

Человек восемьдесят повстанцев рассеялись по всей поляне, сидят у костров, лежат на широких дырявых брезентах, расхаживают крупными и беспокойными шагами по мерзлой земле.

Их немного, но все они какие-то разные, непохожие, несовместимые. И трудно с первого раза уловить, в ком из них живет настоящая душа восстания – в этих ли нескольких широких краснорожих, с дубовыми плечами и ногами гайдамаках, или в юрких цыганообразных «синежупанниках» с цепкими движениями рук и конокрадными ухватками, или в молчаливых медленных обросших «пленниках», или в кучке пьяненьких крестьян, сипло закатывающихся хохотом у костра.

На краю поляны, под большой сосной – нечто вроде митинга. Спор. Говорят двое. Остальные тяжелым угрюмым кольцом слушают.

Высокий худой пленный в австрийских желтых башмаках и почему-то в плюшевой художнической куртке глухим простуженным голосом жалуется. Говорит неумело, несчастно и отрывочно.

– Мы, сла... Богу, с четырнадцатого году... На Сталупенен шли... В болотах жили. Ни тебе махорки... Самсонов-генерал... Теперь какое же припоминание выходит?! Абы кровь сочили... Безутешное дело...

Гайдамак с черным грязным суконным шлыком на шапке отвечает по-украински, протяжно и напористо. Говорит он долго и яростно, машет красной обмерзшей рукой:

– Вы усі повинны прійматы активну частину в нашей боротьбе!..

Солнце спускается под лагерь. Меркнет поляна, становятся строже и резче узкие оконцы с колючей проволокой и пулеметы, уставленные на север: к Жулянам и к Киеву.

Мужички у костра переобуваются. Одному из них очень весело.

– Погоди, у Киев припрем, из бабьих юпок онучи надерем!..

– Хы-ы-ы...

2. Боярка

На вокзал не пускают. Он оцеплен со всех сторон, окружен пешими и конными часовыми, опутан проволокой.

Но если стать на пригорке у Боярских дач, маленький летний вокзал виден во всех деталях.

По платформе, где недавно гуляла разряженная боярская публика, грузно расхаживают петлюровские воины из разных «куренных» и «загонов» с длинными, разных цветов хвостами на папахах, с тяжелыми черными винчестерами.

Видна суета и нервность.

Около водокачки, на запасном пути, стоит поезд из трех классных вагонов и трех теплушек. Здесь, по-видимому, штаб-квартира мятежнического начальства.

В лесу, за станцией – непрерывная стрельба. Стреляют странно, прерывисто и вразброд, в разных местах и направлениях.

Дачная Боярка совсем умерла. Несколько десятков семейств киевлян-зимогоров, застрявших здесь по недостатку квартир, затихли и притаились в жалких домиках. Выходить весьма небезопасно – без вести пропавших или просто пристреленных среди боярцев насчитывается уже немало народу. И уже пять дней – без продовольствия, без газет, без сна.

На площадке перед большим кубом, где летом киевские юнцы играли в футбол, теперь рядом сложено пять трупов. Три украинца и двое вернувшихся из плена. Эти два повернуты лицами вниз. Рогожа. Когда их похоронят – неизвестно.

Военный врач и общественный деятель Л. пробирается в Киев из Фастова. По его словам, город совершенно терроризован отрядами Петлюры. От артиллерийского обстрела пострадало много

домов и училище. На улицах бесчинствуют. На краю города идут избиения евреев. Особенно усердствуют большие орды подростков, явившиеся неизвестно откуда.

В Василькове г. Л. едва не стал жертвой самосуда. Офицеров и евреев избивали у вокзала прикладами и тесаками...

К вечеру стрельба у Боярки стихает. По шляху гонят к вокзалу неоседланных крестьянских лошадей, очевидно, отнятых у крестьян.

С юга небо краснеет далеким заревом. Горят села возле Будаевки и Глевахи. Там расположены главные силы повстанцев.

Медленно, тяжело из сумерек ползет оттуда нагруженный воз. Перевязан веревками убогий скарб, какие-то табуретки, самовар. Наверху – баба с ребенком. Хозяин плетется рядом, причмокивая и устало вздыхая.

Это уже выселенцы, первые беглецы из объятого огнем и смертью уезда. Они уже движутся с усталой неизбежностью, такой знакомой за четыре года войны.

– Откуда?

– Из Янковичей мы. Совсем стало невозможно... Грабят, мельницу пожгли. Еще самих нас забьют. Уходим...

Он хотел посмотреть на небо, но вместо этого сплюнул и громко, протяжно высморкался. Лошадь вздрогнула и пошла.

Боярка, 22 ноября.